

прямую вражду и на многие годы прервали связь между двумя замѣчательными писателями.

Толстой предпочелъ дружбу аристократа Фета, знакомство съ Катковымъ — тѣсной связи съ русскими прогрессивными кружками „разночинцевъ“. Были многія причины, по которымъ Толстой остался въ сторонѣ отъ лучшихъ литературныхъ кружковъ и традицій 40-хъ и 50-хъ годовъ. Прежде всего — тотъ особый путь умственного развитія, которымъ шелъ Толстой; во вторыхъ разница лѣтъ: онъ былъ значительно моложе Тургенева и его друзей; эта вторая причина не мѣшала Толстому чувствовать себя въ кружкѣ нашихъ писателей большимъ, чѣмъ они, пессимистомъ. Усталость и мрачный взглядъ на жизнь, какъ результатъ духовнаго переутомленія ряда поколѣній, — лишали Толстого того юношескаго воодушевленія, которымъ горѣли сердца нашихъ писателей и общественныхъ дѣятелей 50-хъ годовъ. Цѣлая пропасть отдѣляла пресыщеннаго аристократа, съ безсознательнымъ въ крови лежащимъ презрѣніемъ къ людямъ не *comme il faut*, отъ молодой русской интеллигенціи, изъ среды которой уже вышли Рахметовы со своимъ ригоризмомъ и народническимъ подвижничествомъ. Толстой былъ знакомъ съ Чернышевскимъ, Добролюбовымъ, М. Л. Михайловымъ, но они остались чужды его душѣ. Даже Тургеневъ — изящный, образованный, культурный баринъ возмущалъ его своими „демократическими ляшками“! Кромѣ того Толстой отличался съ дѣтства большой мнительностью и подозрительностью. Эта послѣдняя черта называется не только въ личной жизни Толстого, но и въ его творчествѣ. У него даже воробей „сдѣлалъ видъ“ что клюнулъ. Подозрительны казались Толстому и убѣжденія русскихъ писателей. Онъ имъ не вѣрилъ. „Я стою съ кинжаломъ или саблей въ дверяхъ и говорю: пока я живъ, никто сюда не войдетъ, — вотъ это убѣжденіе, а вы стараетесь другъ отъ друга скрывать свои мысли и называете это убѣжденьями“ — такъ говорилъ Толстой своимъ литературнымъ противникамъ, и чувствовалъ себя правымъ, забывая, что дѣло писателя — это слово и что даже поэтъ внѣ своего призванія „межъ дѣтей ничтожныхъ міра“, быть можетъ, самый ничтожный. Какъ извѣстно въ послѣдствіи Толстой хотѣлъ встрѣтить жандармовъ на обыскѣ въ его домѣ съ пистолетомъ въ рукѣ. Образование Толстого въ эту пору было очень недостаточнымъ: за время отъ 20 до 35 лѣтъ Толстой прочелъ „Германъ и Доротея“ Notre Dame de Paris, Тютчева, Кольцова, Фета, „Федонъ“ и „Пиръ“ Платона и поэмы Гомера. Изъ этихъ произведеній стихотворенія нашихъ поэтовъ имѣли на него „большое вліяніе“ а остальные — „очень большое“ ¹⁾. Вотъ и весь литературный багажъ Толстого. Это немного...

Недовольный собой, свѣтскими салонами и литературными кружками, Толстой покидаетъ Петербургъ. Въ послѣдствіи онъ

¹⁾ Бирюковъ т. I, стр. 270.